

АЛЕКСАНДР ЦОЙ
Лодзинский университет

СЕМИОЗИС РУССКИХ ЧАСТИЦ И КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНТЕКСТ

Предметом семиотики является сравнение, сопоставление и обобщение результатов частных семиотик; рассмотрение того, как абстрактные языковые отношения проявляются в различных знаковых системах; формулирование выясняющихся при этом общих семиотических законов¹. Различные знаковые системы как модели детерминированных фрагментов окружающей действительности познаются и изучаются с помощью ощущения, реакции и размышления. Размышление — это «третье состояние сознания, или мысль, является чувством научения, а научение является средством, с помощью которого мы переходим от незнания к знанию»². Представим наши размышления на заявленную тему и определим функциональные компоненты русских частиц как субзнаков.

Начнем с того, что язык является важной знаковой системой, которой люди пользуются в различных коммуникативных целях. «Мир есть все, что происходит, а все происходящее, факт, — существование событий»³, а задача языка заключается в отражении этого мира в «вербальных знаках всех типов»⁴. Нильс Э. Энквист

¹ И.В. Арзамасцева, *Семиотика*, УлГТУ, Ульяновск 2009, с. 7.

² Ч.С. Пирс, *Что такое знак?*, пер. А.А. Аргамаковой, «Вестник Томского государственного университета». Философия. Социология. Политология» 2009, № 3 (7), с. 89.

³ Л. Витгенштейн, *Философские работы*, часть I, пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева, Гнозис, Москва 1994, с. 5.

⁴ Семиотика выделяет следующие языковые единицы: знаки, субзнаки, полузнаки и элементы знаков. Знаменательные слова являются знаками, к субзнакам традиционно относят служебные слова. Полузнаки — это словообразовательные и словоизменительные морфемы. К элементам знаков (фигурам) относят фонемы с их дифференциальными признаками, способствующими осуществлению перцептивной и дистинктивной функций. Знаки, субзнаки, полузнаки

по этому поводу отмечает следующее: «Всестороннее исследование языка должно считаться с тем, что язык используется людьми, живущими в сложной окружающей обстановке»⁵.

Семиозис⁶ (означивание, знаковое представление информации и использования знаков; семиотическая функция знаков) как процесс или процедура порождения/означивания, интерпретации/представления информации и использования/функционирования знаков различной величины, отражает функционирование языковой системы в социуме и, шире, в социальной жизни людей. Семиозис одновременно отражает функционирование языковой системы. Чарлз С. Пирс применяет понятие «семиозиса» для характеристики элементарной триады знакового отношения: *объекта — знака — интерпретанты*. Он полагает, что знак не является знаком до тех пор, пока он не осмысливается как знак. Иными словами, знаки должны быть объяснены, истолкованы интерпретантой.

Согласно одному из постулатов теоретической лингвистики произвольность языкового знака означает произвольность связи между означающим и означаемым.

Не существует никакой закономерной или сущностной связи между произносимой, согласно правилам языка, последовательностью звуков и обозначаемым этой последовательностью понятием. Полноценный знак, как и субзнак, не содержит в себе ничего, что могло бы указывать на обозначаемую им реальность. Значение субзнака определяется совокупностью его реляционных свойств, то есть его местом в системе высказывания/предложения⁷.

Постулат произвольности объясняет, что обособленный знак/субзнак не обладает никакими значимыми свойствами. Знак/субзнак наделяется смыслом в совокупности связей с другими единицами высказывания/предложения в рамках целого.

Считается, что функция частиц как субзнаков с точки зрения семиозиса заключена в актуализации прагматической части высказывания/предложения. Прагматика, как известно, занимает

и элементы знаков (фигуры) образуют терминологическое понятие «вербальные знаки всех типов». См.: Н.Б. Мечковская, *Семиотика: Язык. Природа. Культура*, Академия, Москва 2007, с. 27–28.

⁵ Н.Э. Энkvист, *Параметры контекста*, пер. с англ. Н.М. Разинкиной, // «Новое в зарубежной лингвистике», вып. 9: *Лингвостилистика*, Прогресс, Москва 1980, с. 255.

⁶ В семиотике выделяют три составляющих знака: синтактику, семантику и прагматику.

⁷ Г.Б. Гутнер, *Теоретической лингвистики постулаты*, // И.Т. Красавин (ред.), *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*, «Канон+»–«Реабилитация», Москва 2009, с. 971–972.

СЕМИОЗИС РУССКИХ ЧАСТИЦ...

ся изучением значения высказывания в конкретных контекстах и изучением отношения знаков и субзнаков к субъектам, которые их производят и интерпретируют.

Пирс полагает, что прагматическая часть высказывания является основой для определения сущности знака. *Знак* становится таковым не благодаря своим физическим свойствам, а вследствие определенного употребления его в социуме.

Поэтому как способ построения знаковых конструкций (синтаксис), так и отношение знаков к обозначаемым объектам (семантика) являются лишь средством для выполнения знаками их основной функции: обеспечивать коммуникацию между людьми⁸.

В связи с этим возникает вопрос: что входит в прагматическую составляющую *субзнака*, то есть служебного слова?

Нина Д. Аругюнова считает, что

[...] в синхронной системе языка противоречия возникают вследствие неравномерности развития разных его уровней и сохранности прежних систем, а в языке, функционирующем как средство коммуникации, противоречия возникают вследствие полифункциональности языка⁹.

Здесь добавим, что полифункциональность языка основывается на полифункциональности лексических единиц. На наш взгляд, например, уровень полифункциональности знаменательных слов значительно ниже уровня полифункциональности служебных слов, поскольку последние в большей степени служат для отражения экстралингвистической информации.

Эта полифункциональность частиц, диффузность их семантики, сосуществование синонимичности и оригинальности влекут за собой еще два феномена, также всеми признаваемые: частицы должны подкреплять друг друга (или могут подкрепляться) и их значение во многом определяется контекстом¹⁰.

Отсюда вытекает вывод, что субзнаки наделены бинарной сущностью: с одной стороны, они эвидентно фиксируют сопряженность языка с ментальностью, с языковой структурой, а с другой, как представляется нам, в большей степени, соотносят их с реаль-

⁸ Ч.С. Пирс, *Избранные философские произведения*, пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева, «Канон+»–«Реабилитация», Москва 2000, с. 301–321.

⁹ Н.Д. Аругюнова, *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*, Наука, Москва 1988, с. 4.

¹⁰ Т.М. Николаева, *Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков)*, Наука, Москва 1985, с. 9.

ными коммуникативными ситуациями. Не случайно служебные слова обладают высокой частотностью употребления¹¹.

В свою очередь, связь языка с жизнедеятельностью языковой личности и его психофизиологией отражается в выборе знаков, наиболее приспособленных для выражения эмоциональных, модальных, усилительных, акцентирующих и т.д. значений. Для этих целей наиболее пригодными оказываются русские частицы, лишённые предметной соотнесенности, обладающие полифункциональностью и, в определенной степени, выполняющие роль субзнака, призванного (или наделенного) функцией отражать и передавать все сопутствующие человеку многообразные жизненные ситуации. Это отмечает Нина Д. Арутюнова следующим образом: «Язык постоянно балансирует между упорядоченностью мышления и хаосом жизненных ситуаций, индивидуальных психологий и невзвешенных (нематериальных) ценностей»¹².

В отличие от знаменательных слов для частиц характерна размытость семантики: они одновременно и многозначны, и синонимичны, функциональная семантика частиц налагается одна на другую. Еще одним специфическим свойством частиц является «их способность выступать в качестве синонимов по отношению друг к другу»¹³.

Рассмотрим семиозис частицы *хоть* в следующих трех высказываниях: *Хоть сын второй год учится в Турции*, *Сын хоть учится*, и *Хоть сын учится*. Анализируемые высказывания нами представлены в виде следующих трех графических рисунков-деревьев, в которых субъект (S — subject), предикат (P — predicate), отношение (R — relation) указаны стрелками, отходящими от «узла события», которые передают суть утверждения. Здесь отметим, что данные предложения можно дополнить такими составляющими высказывания/предложения как идея-факт (F — fact-idea), время (T — time), место (L — location) и контекст (C — context).

Ветви этого дерева соединяются в концептуальных узлах, предположительно существующих в памяти до кодирования предложения. Узлы изображают идеи и прямые ассоциации между ними; таким образом, понимание конкретного факта зависит от его связей с другими понятийными фактами¹⁴.

¹¹ О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров, *Частотный список лемм служебных частей речи*. Электронная версия издания: *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*, Азбуковник, Москва 2009.

¹² Н.Д. Арутюнова, *Типы языковых значений...*, с. 4.

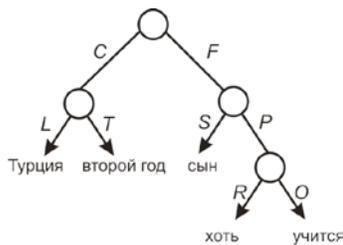
¹³ Т.М. Николаева, *Функции частиц...*, с. 8.

¹⁴ Р. Солсо: *Когнитивная психология*, [Серия «Мастера психологии»], 6-е изд., Питер, Санкт-Петербург 2006, с. 311.

СЕМИОЗИС РУССКИХ ЧАСТИЦ...

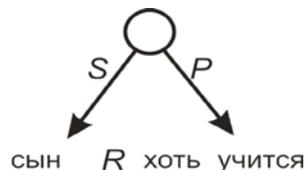
В высказываниях *Хоть сын второй год учится в Турции*, *Сын хоть учится* и *Хоть сын учится* у частицы *хоть* выделим такое модусное значение «положительной оценки», которое, наряду с описанием действительности событий, передает отношение, мнение говорящего об этом факте действительности.

I) *Хоть сын второй год учится в Турции.*

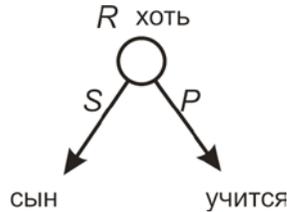
Высказывание *Хоть сын второй год учится в Турции* осложнено такими составляющими как время (T — time) и место (L — location). По цели высказывания, как представляется, оно незакончено, требуется еще дополнительная оценка описываемого события с точки зрения адресанта высказывания, а именно, качество обучения, с последующим выводом. Напрашивается как положительная, так и отрицательная характеристика описываемого события; сын может учиться отлично/неудовлетворительно, но реакция может быть парадоксально-каузальной: *Хоть сын второй год на отлично учится в Турции, но я все равно беспокоюсь/не рад.*

II) *Сын хоть учится.*

В высказывании *Сын хоть учится* частица *хоть*, в зависимости от контекста, может быть наделена следующими смыслами: а) никто не учится, кроме него; б) успевает в учебе только он; в) хорошо, что он учится¹⁵.

¹⁵ А.С. Цой, *Служебные слова как поверхностные субзнаки глубинных структур*, «Вестник Бурятского государственного университета», Издательство Бурятского государственного университета, Улан-Удэ 2008, с. 83.

III. *Хоть сын учится.*

В третьем высказывании частица *хоть* может быть наделена следующими смыслами: а) сын ничем другим не занимается; б) он только учится; в) сын, по крайней мере, учится, и это уже хорошо; г) сын, по крайней мере, учится, а другие дети и этого не делают¹⁶.

Как видно, в третьем высказывании частица «хоть» может наполняться большим количеством смыслов, чем в предыдущих высказываниях. Общее количество таких смыслов, следовательно, четыре, которые, как представляется, одновременно выступают в качестве интерпретант, то есть каждый смысл может быть актуализирован реципиентом аутентично, если он соответствует одному из четырех коммуникативных контекстов данного высказывания. По этому поводу можно привести следующие слова Татьяны М. Николаевой:

[...] свойство — как бы приписывать к сказанному некоторое не обязательно где-то высказанное, но обязательное для данного социума дополнение, столь же явное и коммуникативно общее, хотя бы и имплицитное, — можно считать основным функциональным свойством частиц¹⁷.

Частицы не только отражают ситуацию, но и отражают ее с определенной точки отсчета. Включаясь «в пространственную или временную ориентацию, высказывания с частицами, отражая ситуацию, объединяют, таким образом, мир реальности с миром дополнительной, скрытой семантики»¹⁸. Людвиг Витгенштейн по этому поводу вполне определенно высказался следующим образом:

Как пространственные объекты вообще немислимы вне пространства, временные — вне времени, так ни один объект немислим вне возможности

¹⁶ К.С. Акопян, *К проблеме толкования логико-модальных частиц (на примере анализа семантики и прагматики частицы хоть)*, // *Материалы II Международного конгресса: «Русский язык: исторические судьбы и современность»*, 18–21 марта 2004 г., МГУ, Москва 2004, с. 209.

¹⁷ Т.М. Николаева, *Семантика акцентного выделения*, Наука, Москва 1982, с. 58.

¹⁸ Т.М. Николаева, *Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков)*, Наука, Москва 1985, с. 32.

СЕМИОЗИС РУССКИХ ЧАСТИЦ...

его сочетаний с другими. Если можно представить себе объект в контексте события, то вообразить его вне возможности этого контекста нельзя¹⁹.

Следовательно, источником коммуникативного акта, который имел место в определенной коммуникативной ситуации, следует считать коммуникативный контекст.

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Коммуникативный контекст, включая определенный набор значимых компонентов коммуникативной ситуации, детерминирующих выбор вербальных и невербальных форм выражения речевого акта, находит выражение в завершенном фрагменте высказывания/предложения, общий смысл которого позволяет уточнить значение входящих в него отдельных знаков и субзнаков. То есть контекст является материальной (остенсивной) основой языкового коммуникативного акта со всеми его структурными составляющими. Таким образом, смысл законченного высказывания/предложения определяется значением входящих в него отдельных лексических единиц, а также включает определенный набор значимых компонентов коммуникативной ситуации, обуславливающих выбор вербальных форм и невербальных средств коммуникации в целях продуцирования высказывания/предложения для отражения различных коммуникативных тактик. Можно утверждать, что коммуникативный контекст выполняет суггестивную функцию, которая позволяет аутентично декодировать смысл русской частицы и помогает выделить соответствующую интерпретанту.

Коммуникативный контекст (CC — communicative context) предопределяет именно тот смысл (S — Sense) и ту интерпретанту (I — interpretation), которые вкладываются говорящим в частицу как субзнак (S-m — sub-mark). Графически это можно отобразить следующим образом:

$$CC \rightarrow S-m (S \leftrightarrow I)$$

Одновременно можно утверждать, что *смысл* и *интерпретанта* суть синонимичные термины. В свою очередь, уникальность частицы русского языка как вербальной языковой единицы, используемой в коммуникативном акте, заключается в том, что она используется для маркирования коммуникативных контекстов. В определенной степени русская частица выполняет контекстную дистриктивную (смыслоразличительную) функцию в рамках все-

¹⁹ Л. Витгенштейн, *Философские работы*, часть I..., с. 5.

го высказывания/предложения. Актуализация нового смысла ведет не только к активизации частицы в системе служебных слов, но и к ее модификации и абстрагированию в когнитивном плане, влиянию на характер языковых связей и отношений между вербальными знаками.

Значение частицы, тесно связанное со структурой всего высказывания, может быть актуализировано только в соответствующем коммуникативном контексте. Являясь вербальным средством выражения актуализации, частица дополнительно наделяется также ассоциативной функцией, которая заключается в обращении внимания реципиента на информацию, значимую с точки зрения продуцирующего высказывание, подчеркивании ее важности, которая в явном виде, вербально, в высказывании не выражена. Следовательно, прагматическими составляющими русской частицы как субзнака являются дистинктивная и ассоциативная функции.

Aleksandr Tsoi

*Tworzenie i funkcjonowanie partykuł rosyjskich
a kontekst komunikacyjny*

Streszczenie

Uważa się, że funkcja partykuł jako subznaków zawarta jest w pragmatycznej aktualizacji części wypowiedzi (zdania). Słowo funkcjonuje w społeczeństwie jako znak w wyniku określonego użycia: pragmatyczna część wypowiedzi jest podstawą do określenia istoty znaku. W związku z tym pojawia się pytanie: co stanowi pragmatyczny składnik subznaku, czyli wyrazu współznaczącego (synsemantycznego)? Z naszych analiz wynika, że pragmatycznymi składnikami rosyjskiej partykuły jako subznaku są funkcje dystynktywna i asocjacyjna, zaś kontekst komunikacyjny pełni funkcję sugestywną.

Aleksandr Tsoi

Semiosis of Russian particles and communicative kontekst

Summary

It is known that the function of particles as sub-marks lies in the actualization of the pragmatic part of an utterance or a sentence. The mark becomes a mark owing to its definite usage in the society: the pragmatic part of an utterance is the basis for determining the essence of the mark. In this connection in this connection question: what does the pragmatic component of a sub-mark or a syncategorematic word include? The analysis we have conducted shows that the pragmatic components of that has been Russian particle as a sub-mark are the distinctive and associative functions, but the communicative context performs the suggestive function.